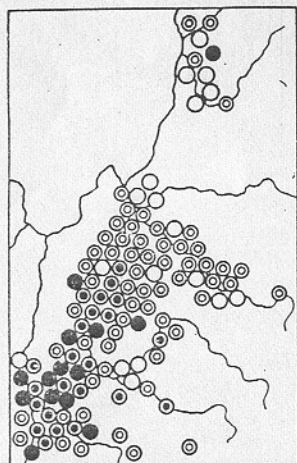

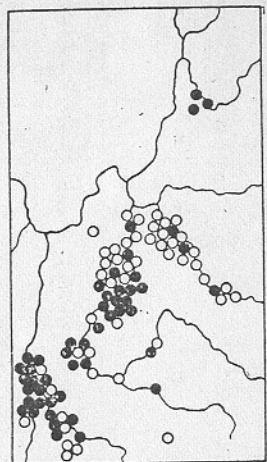
VIII в., скандинавы в IX столетии сначала от случая к случаю проникают в глубь Приладожья и вступают в контакт с местными жителями, выменивая у них пушнину на изделия из железа, бронзы, кости и стекла. На рубеже IX—X вв. характер контактов норманнов с приладожским населением меняется. В низовьях Паши, в среднем течении Сяси и междуречье Сяси, Паши и Тихвинки (в целом на западных границах мест обитания финноязычного населения) появляются отдельные скандинавские поселения, постоянно выступающие в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с аборигенами. Их погребальный обряд и

○-1 ⊙-2 ⊙-3 ●-4

Рис. 2. Курганы различных отношений высоты к диаметру в Приладожье.

1 — насыпи малой высоты; 2 — насыпи средней высоты; 3 — высокие насыпи; 4 — очень высокие насыпи.

○-1 ●-2

Рис. 3. Расположение остатков кремации в курганах Приладожья.

1 — курганы с остатками кремации на основании; 2 — курганы с остатками кремации в насыпи.

стал одним из источников заимствования приладожскими финнами курганного способа захоронения. Другой источник отчетливо прослеживается в погребальных памятниках в среднем течении р. Сяси. Появление здесь курганов явилось результатом контактов обитателей Приладожья сначала с древними коллективами, у которых погребальными сооружениями были высокие сопковидные насыпи (с остатками кремации в верхней части), а уже затем с норманнами. У норманнов же переняли кур-

ганый способ захоронения и жители восточного побережья Ладожского озера. Своеобразие обряда и малочисленность насыпей в этом районе объясняются распространением у обитателей Ладожско-Онежского междуречья иного вида погребальных памятников — грунтово-могильников.

Дополнительные доказательства гипотезы о двух источниках заимствования приладожским населением курганного способа захоронения мы видим в ряде различий между погребальными памятниками Приладожья. Во-первых, картографирование размеров курганов, взятых в отношении высоты к диаметру и усредненных по могильникам, позволяет сделать вывод о преобладании в нижнем течении рек Паши и Ояти групп, состоящих из насыпей малой и средней высоты. В более южных районах значительная часть могильников состоит из насыпей, которые могут быть отнесены к числу высоких. В среднем течении Сяси курганные группы составляют исключительно высокие насыпи, что может быть объяснено близостью территории распространения сопков (рис. 2). Во-вторых, в курганах, раскопанных в нижнем течении рек Паши и Ояти, единственный, или нижний, ярус сожженных, как правило, расположен прямо на основании насыпи. Напротив, в южных районах Приладожья погребения чаще помещались в верхних частях кургана, что еще раз вынуждает к сопоставлению с размещением захоронений на сопках (рис. 3). Наконец, у д. Городище на р. Сяси, где могильник из сопков отделен от группы Приладожских курганов всего несколькими сотнями метров, в последних наблюдается отсутствие даже такой характернейшей особенности приладожских погребальных сооружений, как деление на мужскую и женскую половины, также несвойственное высоким сопковидным насыпям. Впоследствии, уже на следующем этапе развития приладожской курганной культуры, в насыпях XI столетия отмеченные различия постепенно скрадываются, а элементы скандинавской погребальной обрядности исчезают вовсе. Таким образом, влияние норманнов на погребальный обряд обитателей Приладожья нашло выражение лишь в замене, да и то, по-видимому, неполной, ранее существовавших видов погребальных памятников курганами.

Новые расчистки мечей, найденных в Яр Пож // Северная Русь
 А. Н. КИРПИЧНИКОВ, И. В. ДУБОВ и ее соседи в эпоху ратных

НОВЫЕ РАСЧИСТКИ МЕЧЕЙ, НАЙДЕННЫХ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В 1977 г. авторами данной статьи были произведены расчистки мечей, обнаруженных в разное время на территории Ярославского Поволжья. Всего было расчищено три клинка. Два из них уже давно являлись достоянием музеев Ярославля и Ростова Ярославского и вхо-

диди в состав археологических экспозиций, третий был найден в 1976 г. сотрудниками экспедиции Ленинградского университета при обследовании с помощью металлоискателя территории Тимеревского поселения.¹

Ежегодно пополняется количество находок мечей в древнерусских памятниках, а вместе с ними растет и фонд клейм, выявляемых на их клинках. Этот важнейший исторический источник, введенный в нашу науку совсем недавно, имеет большое значение для решения целого ряда археологических и исторических проблем.² Каждое новое клеймо имеет свои особенности и увеличивает наши возможности в изучении центров и авторства производства боевого оружия, путей его проникновения на Русь, наконец, определения вероятия местного изготовления клинков.

В 1899 г. в Древлехранилище Ярославской губернской ученой архивной комиссии поступили новые предметы старины. Среди них были меч и боевой нож. Вещи были переданы в ученую архивную комиссию помещиком из селца Михайловского Ярославского уезда Ярославской губернии А. А. Марковичем и местным священником Н. А. Виноградовым с пометкой как «найденные при сносе кургана для разравнивания местности».³ По счастливой случайности оба предмета сохранились.

Другие находки, возможно, также происходящие из упомянутого кургана, утрачены во время выставки в Демидовском юридическом лицее.⁴ Впервые меч и скрамасакс из Михайловского могильника были опубликованы Я. В. Станкевич, которая датировала меч второй половиной X в.⁵ Этот меч относится к типу V, все датированные экземпляры которого можно отнести к X столетию.⁶ Характерно, что вместе с мечом найден боевой нож — скрамасакс. Очевидно, речь идет о нерядовом дружинном захоронении.

При расчистке клинка меча на нем обнаружено выложенное дамаскированной инкрустацией двухстороннее клеймо плохой сохранности. На одной стороне лезвия оказалось возможным прочесть буквы В, Е, R, H, что уверенно реконструирует всю надпись как «ULFBERHT». На обратной стороне клинка найдены остатки орнаментального переплетения (рис. 1). Меч в расчищенном виде с надписью занял свое достойное место в экспозиции Ярославского музея.

¹ Авторы благодарны В. А. Назаренко, В. А. Булкину и сотрудникам Ярославского и Ростово-Ярославского музеев за оказанную помощь при расчистке мечей.

² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966, с. 37—41.

³ Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, 1900, вып. 1, кн. 3, с. 302; Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник (опись поступлений за 1899 г.).

⁴ Труды Ярославской губернской... с. 302.

⁵ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. — МИА, 1941, № 6, с. 77, табл. VI, 1, 2.

⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... с. 32, 80, каталог находок, № 58.

Расчистка второго меча была произведена в музее Ростова Ярославского. Этот экземпляр происходит из раскопок Сарского городища, произведенных в 1930 г. Д. Н. Эдингом и Д. А. Ушаковым. Меч обнаружен на северном склоне первого вала (нумерация Д. Н. Эдинга).⁷ Обстоятельства находки точно не выяснены, и не исключено, что меч происходит из одного из курганов в окрестностях Ростова Ярославского, раскопки которых в массовом порядке проводили А. С. Уваров и П. С. Савельев в середине прошлого столетия. Меч относится к типу E, клинки которого распространены на Руси повсеместно. На севере Европы мечи этого типа бытуют в основном в IX в. и после 900 г. встречаются крайне редко, на Руси они датируются шире и относятся преимущественно к X столетию.⁸

Обращает внимание, что рукоять рассматриваемого меча отличается от классических рукоятей мечей типа E, относящихся к IX в. В сравнении с последними ячейки нашего клинка более крупные, а наверхние и перекрестие менее массивны и своеобразны по общему контуру. Рукоять меча рождала предположение о ее доморощенности. Теперь после выявления клейма это предположение можно существенно уточнить. При расчистке меча на его клинке обнаружено до настоящего времени не известное по типу клеймо. На одной стороне четко читается, выложенное железной проволокой, LUN FECIT, т. е. Лун сделал на обороте знак из перекрещенных полос (рис. 2). Означает ли LUN полное имя мастера, или оно сокращено, утверждать не беремся. Ясно, однако, что речь идет еще об одном западноевропейском кузнце. Меч, по-видимому, изготовлен мастером или в мастерской, которые появились в Западной Европе в конце X в. и выпускали продукцию, которая отличалась от ранее изготавливаемых массовых образцов, весьма стандартных по своему облику. Можно даже утверждать, что чем необычнее рукоять меча, тем больше шансов встретить на его лезвии имя какого-то особого, нового для X в. кузнеца. Таким образом, становится очевидной взаимосвязь украшений и отделки рукояти меча

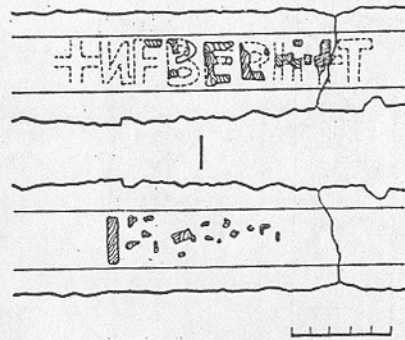

Рис. 1. Прорисовка клейма меча. Михайловский могильник. Раскопки 1899 г. (Ярославский музей).

⁷ Ростово-Ярославский музей, № А—943 (сообщение сотрудника музея И. А. Морозова).

⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... с. 30—31, 49, № 80.

и его клейма — очень часто свидетельств одновременного изготовления лезвия и рукояти оружия в определенном месте.

Третий расчищенный меч входит в состав погребального комплекса, обнаруженного на окраине Тимеревского поселения Ярославской экспедицией ЛГУ.⁹ Некогда это был курган, находящийся на юго-восточ-

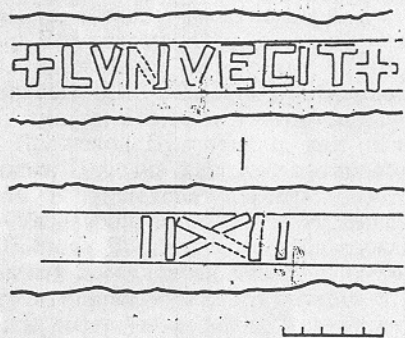

Рис. 2. Прорисовка клейма меча. Сарское городище. Раскопки 1930 г. (Ростово-Ярославский музей).

ной окраине Тимеревского могильника, где к нему вплотную подступало поселение. Впоследствии курган был распахан и на поверхности не осталось никаких следов погребального сооружения. В 1976 г. вся территория Тимеревского селища обследовалась с помощью металлоискателя, и во время этой работы был обнаружен данный меч, а затем открыты сопровождающие находки. Погребение было совершено по обряду трупосожжения на месте, на кострище, которое сильно пострадало в результате распахивания. Часть кальцинированных человеческих костей была собрана в урну, поставленную на кострище. Погребен здесь был мужчина 30—40 лет.¹⁰ Большая часть вещей погибла на погребальном костре — найдены оплавленные куски бронзы, железа, сожженные изделия из кости. Сохранились три фрагмента накладок костяного гребня, на двух из них виден орнамент; железный ледоходный шип, часть ладейной заклепки, наконечник стрелы ланцетовидный с обломанным пером, две бочонковидные гири со знаками кратности.

Особый интерес вызывает бронзовый предмет в виде трапециевидной пластины с обломанным крюком на конце. Лицевая поверхность пластины богато украшена масками фантастических зверей, лентами показаны их тела. Перед нами широко распространенный в северной орнаментике сюжет — звери, пожирающие друг друга. На задней стенке пластины сохранились два шпенька, видимо, с их помощью они крепились в какой-то кожаной основе. Подобные находки — «пряжки», как их называет В. И. Сизов,¹¹ известны в погребениях Гнездовского могиль-

⁹ Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н. Ярославская экспедиция. — В кн.: АО 1976 г., 1977, с. 51—52.

¹⁰ Определение ассистента кафедры антропологии и этнографии исторического факультета ЛГУ Н. Н. Цветковой.

¹¹ Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. — МАР, 1902, № 28, с. 39, табл. II, 2, 3.

ника. В. И. Сизов затруднялся точно определить назначение этих находок и относил железные с бронзовыми орнаментированными накладками к поясным наконечникам, а просто железные — к удилам. Тимеревскую находку можно интерпретировать как деталь портупей для ношения меча.

Перейдем теперь к наиболее представительному предмету погребения — мечу. Сохранность его удовлетворительная, утрачены навершие, рукояти, которое реконструируется по аналогиям, и оконечность лезвия¹² (рис. 3). Перекрестие меча украшено зонным ячеистым орнаментом и серебряной платировкой; по краям оно было окантовано витой серебряной проволокой. На торцах перекрестия сохранились железные шпеньки, к которым, возможно, крепились кожаные прокладки. После расчистки на клинке была выявлена выполненная металлической проволокой надпись «ULFBERHT» — клеймо известной Рейнской мастерской. Все буквы сохранились отчетливо, равно как и вступительный и заключительный кресты. На другой стороне клинка наведена орнаментальная композиция в виде перекрещенных полос. Такой рисунок весьма обычен в сочетании с именем «ULFBERHT». Сам меч относится к типу Е, русские находки которых, как мы уже отмечали, датируются X в.¹³ Ячеистая орнаментация, расположенная неравномерно по всему полю перекрестия и сгруппированная в 7 ромбов, свидетельствует,

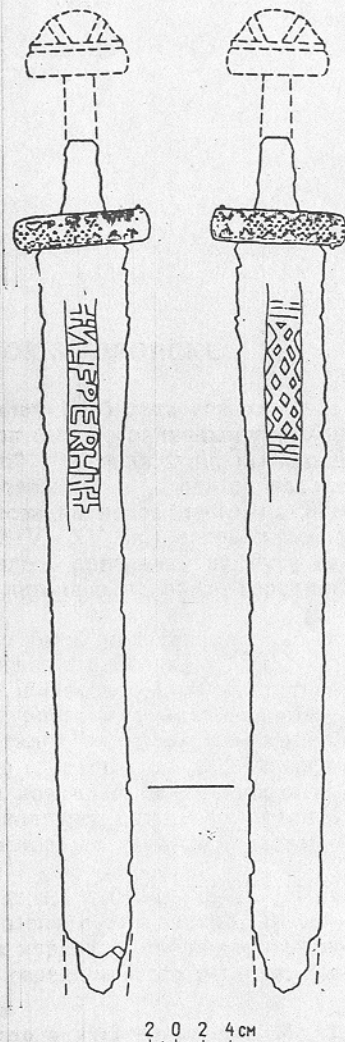

Рис. 3. Меч из распаханного кургана. Тимеревский могильник. 1976 г. (Ярославский музей).

¹² Ср.: Mühlen B. v. z. Die Kultur der Wikingen in Ostpreußen. — Bonner Hefte zur Vorgeschichte, 1975, N 9, Taf. 7, 3.

¹³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... с. 31.

пожалуй, об изготовлении клинка после середины X в. Не противоречат этому и другие находки рассматриваемого комплекса.

Обнаружение клейменных мечей в Ярославском Поволжье восполняет существовавшую в литературе географическую лауну. Теперь несомненно, что в такие раннегородские центры, как Тимерево и Михайловское, а также в окрестности Ростова, попадала, очевидно, по Великому Волжскому пути высококачественная продукция западноевропейских оружейных мастерских. К 16 ранее выявленным у нас мечам с надписью «ULFBERHT» прибавилось еще два. Лезвия с этой маркой, в частности, найдены в юго-Восточном Приладожье, в районе Новгорода, Волжской Булгарии и, как ныне установлено, в Ярославском Поволжье. Цепочка находок, таким образом, обрела закономерную стройность и последовательность.

Общеввропейское значение имеет и находка нового имени на мече из Ростова Ярославского. Обнаружение клейма, в том числе и на мече, добытых десятилетия назад, свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения музейного оружия, в результате которого могут быть открыты совершенно новые источники по истории средневекового ремесла, торговли и технических связей европейских стран.

В. В. СЕДОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК В ИЗБОРСКЕ

Летописные сведения по истории древнего Изборска весьма фрагментарны. Известно только, что в XIII в. он был пограничным городом Новгородской земли — участником сражений с меченосцами, пытавшимися расширить свои прибалтийские завоевания, а в самом начале XIV в. (1303 г.) Изборск уже был перенесен на новое место, на Жеравью гору, где его каменная крепость (XIV—XV вв.) сохранилась и поныне.¹ Называется Изборск еще в легенде о призвании на Русь варягов (862 г.), попавшей на страницы летописи не ранее середины XI в.²

Древняя история этого города может быть написана только на основе данных археологии. Его систематические раскопки начаты экспедицией Института археологии АН СССР и Псковского государственного историко-художественного и архитектурного музея-заповедника в 1971.³ До начала XIV в. Изборск располагался на высоком мысу при Городищенском озере. Площадь Изборского городища около 9500 кв. м. В результате раскопок 1971—1975 гг. уже появилась возможность наметить интереснейшую картину истории эволюции одного из древнейших русских городов. Выделяются три основных периода в истории этого поселения.

Основано оно было, по всей вероятности, на рубеже VII и VIII вв. в регионе, примыкающем к Псковскому озеру с юго-запада. В VI—VIII вв., судя по распространению длинных курганов, наблюдается концентрация населения.⁴ Изборск строится в середине этого региона, оче-

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 72, 77; Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 14.

² Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1965, с. 292—293.

³ Седов В. В. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. — КСИА, 1975, вып. 144, с. 67—74.

⁴ Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, EI-8, табл. 1.